

УДК 94 (481).0.53

**АКТЫ ЧГК (ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ) О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ГОЛУБОЙ ДИВИЗИИ ПОД НОВГОРОДОМ (1941–1942 гг.)**

Б.Н.Ковалев

Гуманитарный институт НовГУ, bnkov@mail.ru

В статье анализируются документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на Новгородчине во второй половине 40-х годов XX века. Рассматриваются претензии мирных граждан к солдатам и офицерам испанской Голубой дивизии, систематизируются виды преступлений.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, ЧГК (Чрезвычайная государственная комиссия), испанская Голубая дивизия*

The article deals with the reports of the ChGK on the registration and investigation of the crimes of German-Fascists Occupiers and their accomplices in Novgorod and its vicinity in the second half of the 1940s. Accusations against soldiers and officers of the Blue Division are analyzed; crimes are classified into different types.

Keywords: *the Great Patriotic War, the Extraordinary State Commission (ChGK), Spanish Blue Division*

Еще шла война, а для будущих судебных процессов над гитлеровскими военными преступниками и их пособниками уже собирались свидетельские показания и вещественные доказательства. Особое значение имели акты Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК).

Необходимо понимать специфику акта ЧГК как исторического источника. Членов комиссии интересовали факты преступлений на оккупированной территории, уровень понесенного страной ущерба. Естественно, никакая информация о гуманном отношении к мирным жителям не фиксировалась. В этих условиях многие новгородцы вспомнили об обидах, нанесенных им в 1941–1942 годах испанскими военнослужащими. Что-то повторялось, что-то преувеличивалось, но картина поведения солдат Голубой дивизии рисовалась достаточно объемной.

Виды документов ЧГК, в которых упоминаются испанские военнослужащие, достаточно разнообразны. К ним относятся опросы свидетелей, заявления пострадавших, акты о нанесенном ущербе, установление лиц, повинных в совершении преступлений (с дальнейшей передачей материала в органы государственной безопасности). Сложность определения вины той или иной национальной категории военнослужащих заключалась еще и в том, что испанцы покинули этот район летом 1942 года, т.е. за полтора года до освобождения его Красной Армией, за два с половиной года до начала работы здесь ЧГК.

Большинство местных жителей не видели существенной разницы между немецким и испанским языком оккупантов, тем более, военная форма у тех и других была практически одинакова. Конкретно про испанцев говорили те люди, которые достаточно тесно общались с ними на протяжении нескольких месяцев. Они могли заметить некоторую разницу в поведении между военнослужащими Вермахта и Голубой дивизии.

Так, Анастасия Дмитриевна Мухина из деревни Большое Замошье 11 ноября 1944 года показала: «Когда испанцы гнали зимой 1942 года русских пленных красноармейцев, трёх человек, то немцы в нашей деревне их расстреляли у церкви».

В феврале месяце 1942 года наш деревенский парень Шалавин Сергей Фёдорович, 1925 года рождения, был повешен за то, что испанцы подозревали его в краже колбасы, когда он был подвозчиком. Но разломали ящик с колбасой сами немецкие обозные солдаты, а обвинили в этом Шалавина. Его повесили, даже заставили самого влезть в петлю» [1].

Как видно из этих эпизодов, в преступлениях обвиняются не столько испанцы, сколько немцы. Но так было далеко не всегда. В чем обычно обвиняли местные жители солдат Голубой дивизии? В первую очередь, в воровстве и грабежах. Естественно, испанцам было холодно, и они хотели есть. Но русские деревни сами жили впроголодь, а отнятые теплые вещи часто были единственной одеждой сельчан. Тем

более что нежелание добровольно отдать свои вещи или скот часто заканчивалось весьма печально. Так, «в деревне Лукинщина в январе 1942 года за отказ отдать корову испанским солдатам был расстрелян из винтовки старик Изотов Григорий Изотович, 1881 года рождения. В январе 1942 года в деревне Бабки был расстрелян из винтовки в своём доме 70-летний старик Пикалёв Василий Иванович, когда он оказал сопротивление испанским солдатам, которые отбирали у него валенки прямо с ног» [2].

Анна Васильевна Соцкая из деревни Лукинщина рассказала членам комиссии о том, что «в нашей деревне периодически стояли немцы и испанцы из «голубой» дивизии... Зимой испанцы отнимали все тёплые вещи и валенки независимо, где и от кого, лишь бы нашли. У меня также забрали с печки пару валенок» [3].

Одна и та же информация в некоторых показаниях повторяется. Это говорит о том, что описываемые события были известны достаточно широкому кругу лиц. Так, из протокола опроса свидетеля Жучковой Варвары Александровны, 1913 года рождения, деревня Лукинщина, следует: «В августе 1941 года ... я была очевидцем следующих злодеяний, учинённых немцами и испанцами. С августа 1941 года до января 1944 года в нашей деревне стояли немцы и испанцы пехотной части. С первых дней они стали отбирать тёплую одежду, валенки, шубы, шапки, скот, птицу...

Избивали и арестовывали без причин мирное население. Так, в январе 1942 года испанец арестовал Изотова Григория Изотовича, 1881 года рождения, и по дороге из винтовки убил его за то, что он не отдал испанцу свою корову» [4].

Никитина Александра Павловна, 1897 года рождения, из деревни Курицко дополнила эти показания: «В середине августа 1941 года немцы, а затем испанцы стали грабить население, переловили и перебили всех кур. Они сразу отобрали целое стадо коров. Зимой 1942 года испанцы сдирали прямо с ног валенки, тёплые вещи. У меня в доме двое испанцев, угрожая оружием, отобрали валенки» [5].

Название деревень в показаниях свидетелей разные, но ситуации очень похожи друг на друга. Так, Прасковья Степановна Серова, 1890 г. рождения, из деревни Десятинна Заболотского сельсовета, вспомнила следующее: «Испанцы часто ходили в нашу деревню. Они отбирали у населения валенки, тёплые вещи, коров, кур, овец, даже керосин. Брали всё, что попадёт. У меня испанский солдат отобрал валенки, снял валенки с ног моей дочери. У Серова Виктора с головы прямо на улице сорвали шапку. С Серовой Марии – платок, у Серовой Акулины увели корову» [6].

Иван Алексеевич Митрофанов из деревни Гвоздец с возмущением рассказывал, что «в ту же зиму 1942 года испанцы содрали с ног в поле на дороге у идущего Гришина Михаила Алексеевича, и он босиком, избитый едва прибежал в деревню. Много отняли валенок у живущих в деревне инвалидов из инвалидских домов. От гражданки Филипповой Прасковьи Алексеевны испанцы отобрали все валенки, при этом избили её очень сильно ручными гранатами, мне тоже угрожали гранатой».

Гражданку Прошину Марфу зимой 1942 г. испанцы сильно избили за то, что она заявила в комендатуру, когда от неё испанцы отобрали козу, козу не возвратили» [7].

В своих воспоминаниях испанцы часто пишут о том, как их поразила нищета России, убогость в одежде местного населения. Но, судя по всему, они были сами повинны в этой «излишней скромности в одежде». Рассмотрим протокол опроса Гаврилова Дмитрия Степановича, 1891 года рождения, из деревни Любожжа Заболотского сельсовета: «В нашей деревне немцы и испанцы стояли не всегда. Они проявили здесь себя как грабители, как самые мерзкие негодяи. С наступлением холодов испанцы стали отнимать у населения тёплые вещи. Народ вынужден был ходить кое-как, в тряпье, а эти вещи подалеже прятать. У меня из дома испанцы отобрали валенки. Так же отняли валенки от Фёдорова Андрея, едущего зимой на подводе, и домой он пришёл босиком. От моей матери Гавриловой Агафьи они отобрали все, что у нее было: три пары валенок» [8].

Рассказывая членам комиссии об оккупации, люди, безусловно, воспринимая испанцев и немцев как союзников. Василий Иванович Кононов так описывал первую военную зиму: «В нашей деревне стояла часть связи, состоящая из испанцев. Испанцы, находящиеся здесь, ограбили практически всё. У нас было отобрано три коровы, большой бык, телята, овцы и куры были отобраны у всех. Сдирали прямо с ног валенки, отнимали тёплые и другие вещи – всё, что найдут.

Они вместе с немцами пригнали всё общественное стадо коров в деревню осенью 1941 года и стали из оружия стрелять по коровам. При этом убили и корову Тюлевой Марины.

У старушки Костиной Натальи, идущей в церковь, испанцы содрали с ног валенки зимой 1942 года в поле за нашей деревней. Зимой 1942 года у меня испанцы в доме отняли две пары валенок и подушку. Народ уже не смел обуваться в теплые валенки и одеваться в хорошую одежду» [9].

По этим эпизодам можно отметить следующее: испанские солдаты отбирают теплую одежду, дерутся с людьми, которые сопротивляются, когда их раздевают, при краже коров предпочитают хозяев запереть дома, чтобы те не мешали им увозить их «боевой трофеей».

Если в краже пищи, теплых вещей, икон есть хоть какая-то логика, то для чего испанцы, походя, прихватывали нехитрое, но часто крайне громоздкое крестьянское имущество? Так, зимой 1941 года они сильно избили кулаками и носками сапог Мишихину Анну, отбирая у неё шкаф, в деревне Курицко. Объяснение этому весьма прозаично. То, что воровалось в одной деревне, часто становилось предметом продажи в другой. Из заявления Кузнецова Даниила Фроловича, Новгородский район, следует: «...Кроме немцев, тут стояли ещё испанские части. Солдаты этих частей очень часто воровали по домам, а потом перепродавали или меняли в других деревнях награбленное имущество» [10].

Серьезные конфликты возникали между русскими и испанцами из-за тепла в доме. Хозяева от-

лично знали возможности своих печек, сильно боялись пожаров в деревянных домах, тем более что после прибытия непрошенных гостей они заметно участившись. Так зимой 1942 года испанцы сильно избили прикладами и кулаками Алексева Ивана Васильевича из деревни Лукинщина за то, что «гости с юга» очень сильно топили печь в его доме, где они квартировали. Хозяин их попросил меньше топить во избежание возможного пожара, что было принято испанцами с крайним возмущением [11].

Чувство безнаказанности часто порождает если не преступление, то нарушение общепринятых норм морали. Василий Иванович Кононов из деревни Липицы 25 января 1945 года сообщил членам ЧГК о том, что «...В нашей деревне многих граждан немцы и испанцы избивали беспричинно. Меня испанский офицер в январе 1942 года избил кулаком по лицу за то, что я не пустил дочь к нему на вечер. Также гражданку Тюлеву Анну испанский солдат избил за то, что она не дала солдату дочку для офицера. Гражданку Баринovu Марию испанский солдат ударил кулаком по лицу за то, что она не сразу открыла ему дверь. Пелину Екатерину солдат-испанец избил за то, что она ему плохо приготовила пищу» [12].

Жизнь в оккупации – это состояние полного беспорядка. И пусть кто-то из немецких или испанских офицеров иногда жалел местных жителей: стариков, женщин или детей, но когда возникал вопрос, кого он больше ценит, за кого отвечает – за русских или за своих солдат, его ответ был, конечно, однозначным – за своих.

Любовь Алексеевна Никулина рассказывала вскоре после войны о реалиях оккупации: «Гоняли население на ремонт дороги и рытьё окопов. Моего сына, Никулина Александра Фёдоровича, 1923 года рождения, два раза избивали испанские солдаты весной 1942 года за то, что он им плохо подчиняется на работе. Однажды испанский солдат избил его кулаком по лицу и голове.

Испанские солдаты в 1942 году избивали Золина Фёдора Павловича палками, кулаками и другими предметами за неточное выполнение их распоряжений» [13].

Поводом для побоев могло послужить нежелание отдавать что-то из своего имущества, непонимание смысла приказа, плохо выполненное распоряжение: «Гражданку Силаеву Марию Яковлевну испанский солдат ударил прикладом винтовки по спине, когда она пыталась не отдать испанцам свою корову.

В декабре 1941 года Прохорова Мария Алексеевна и Левчикова Евдокия Алексеевна были испанцами избиты за то, что не закрыли ворота своего дома. В деревне Троица в июле 1942 года гражданина Барунова Егора Тимофеевича испанцы избили палками по рукам за то, что мало наловил им рыбы. В июле 1942 года гражданку Карпову Веру Михайловну, 13 лет, избили по лицу так сильно, что она слезла в постель» [14].

Немало написано на Западе научных работ и воспоминаний о партизанском движении в нашей стране. Подчеркивается его жестокость и «нарушение

правил ведения войны». Нужно признать, что советское сопротивление заявило о себе достаточно заметно даже в тяжелом 1941 году. Слово «партизан» стало как для немцев, так и для испанцев символом опасности и реальной угрозы. Страдали от этого в первую очередь мирные жители. Их подозревали в связях с сопротивлением, а иногда принимали за самих партизан: «В январе 1942 года испанские солдаты застрелили гражданина Тимофеева Николая Тимофеевича, 1880 года рождения, за то, что он вышел из своего дома после 5 часов вечера. После 5 часов вечера было запрещено всем гражданам появляться на улице, а кто выходил, испанцы стреляли в них без всякого предупреждения» [15].

25 января 1945 года Марфа Екимова вспомнила о событиях трехлетней давности: «Зимой 1942 года мне и Хватовой Антонине было испанским фельдфебелем наложено по два дня принудительных работ по очистке от снега блиндажа за то, что утром, в шестом часу, уже светло было, и мы пошли на колодец за водой» [16].

Страдали и старые, и малые. Причем очень часто было так, что проступок явно не соответствовал наказанию. Вере Михайлове Рунцевой из деревни Новое Ракомо в начале войны исполнилось 30 лет. Ее соседке Валентине Голевой – всего 13. Из показаний В.М. Рунцевой: «В ноябре 1941 года была избита Голева Валентина Сергеевна, 1928 года рождения. Она без разрешения комендатуры ушла в соседнюю деревню. Прибывшие в деревню испанцы избили её палками по голове и по другим частям тела. Сразу же после этого она слегла в постель и от побоев умерла [17].

Иван Трофимович Трофимов из деревни Наволок Новгородского района стал свидетелем другого преступления: «Испанским солдатом в нашей деревне был застрелен старик 70-ти лет Мокеев Кузьма Тимофеевич из деревни Радбалик, идущий рано утром в церковь. Я видел убитого. Его почти в упор застрелили разрывной пулей» [18].

Борьба с партизанами шла не только при помощи комендантского часа и ограничениями в передвижении местных жителей. Репрессиям подвергались все, кого хоть немного заподозрили в связях с «красными бандитами». Так, в деревне Гвоздец Ивана Митрофанова испанцы избивали без всяких на то причин пять раз. В октябре 1941 года в одну ночь испанцы выводили его трижды на улицу, инсценируя расстрелы, требуя указать коммунистов и партизан [19].

Наталья Александрова Золина из деревни Батурино понесла страшную утрату: «Моего сына 1923 года рождения испанцы убили. Они пришли на дом и стали кричать на него, что он партизан, чего не работает на рытье окопов, сильно кричали. Они расстреляли его прямо в избе из винтовки. Разрывной пулей ему вырвало правый бок, и он скончался. Весь дом был изрешечен этими разрывными пулями» [20].

Таким образом, как видно из данного документа, встречались среди испанских солдат и убийцы. И это был не единичный случай. Так, из Акта № 45 «Об

установлении злодеяний, учинённых немецкими преступниками и их сообщниками в период вражеской оккупации с 14 августа 1941 г. до 20 января 1944 г. на территории Новгородского района» следует, что: «22 ноября 1941 года в деревню Наволок явились три бойца Красной Армии. Вечером испанские солдаты с офицером, узнав об этом, зашли в дом Гаврилова и вывели на улицу всех троих бойцов, где и расстреляли их из винтовки и автоматов.

Тогда же они вывели и Гаврилова Григория Гавриловича на улицу и там же расстреляли. А утром 23 ноября, когда жена расстрелянного, Гаврилова Майя Михайловна, стала просить испанцев разрешить ей похоронить мужа, её испанские солдаты отвели в сторону от дома и расстреляли на дороге двумя пулями в затылок и спину.

Это производилось под руководством испанского офицера ст. лейтенанта Голубой дивизии Антонио Баско.

В то же утро испанский солдат выстрелом из винтовки почти в упор застрелил идущего рано утром в церковь старика 70-лет Мокеева Кузьму Тимофеевича. Беспричинно.

Таким образом, в одни сутки испанцами были расстреляны 6 человек, граждан СССР, без всяких причин, без суда и следствия» [21].

Имя Антонио Баско встречается в нескольких документах: «28 ноября 1941 года вышеуказанный офицер Антонио Баско выстрелами из пистолета двумя пулями в живот убил у своего дома гражданина Подарина Ивана Ефимовича, вышедшего на улицу к своим воротам посмотреть пожар, когда испанцы подожгли 2 дома в деревне Курицко.

25 января 1942 года тот же офицер Антонио Баско выстрелом из пистолета беспричинно убил гражданку Крюкову Марию Николаевну в доме её отца в деревне Курицко» [22].

Отец убитой девушки Николай Иванович Крюков смог подробно рассказать и об этом преступлении, и о других: «Осенью 1941 года, в ноябре месяце, испанские солдаты утром беспричинно разбили прикладами у меня в доме две оконные рамы, и когда я вышел на улицу, они стали избивать меня прикладами. Так избили, что я лежал две недели. Затем в доме избили прикладами мою дочь Крюкову Марию. Через несколько дней после этого испанский солдат избил прикладом винтовки у колодца старика Середнякова Ивана Тимофеевича. Затем в начале 1942 г. испанский солдат, отбирая шкаф от Мишихиной Анны Павловны, избил сильно кулаками в её доме в присутствии меня, когда у неё на руках был маленький ребёнок. Затем вырвал у неё ребёнка и нанёс несколько ударов носками сапога.

25 января 1942 г. испанский офицер Голубой дивизии Антонио Баско беспричинно застрелил из пистолета в моём доме мою дочь Крюкову Марию, когда произвёл несколько выстрелов из пистолета в доме, будучи пьяным. Пуля попала дочери в живот, и от этого она через 12 часов умерла. За это офицеру ничего не было.

28 ноября 1941 г., когда испанцы под руководством этого офицера, Антонио Баско, подожгли дома Гришина Матвея и Середнякова Николая с провокационной целью, якобы там были партизаны, и когда из нашей деревни Падорин Иван Ермолаевич вышел из дома посмотреть, так к нему подбежал названный выше офицер и двумя выстрелами из пистолета в живот убил его у ворот его дома.

Затем в марте 1942 года, когда я был на мельнице в Десятинах, то там встретил старика из деревни Верховье Чайкина Николая Николаевича 65-ти лет, который днём направлялся в деревню Курицко, и через некоторое время его испанский солдат выстрелом из винтовки убил на нашем поле, несколько часов он ещё жил. Убит был Чайкин беспричинно, из хулиганских побуждений. Я сам не видел, как его убили, но кровавое место на дороге видел» [23].

Но, оценивая негативное поведение испанцев на оккупированной территории России, местные жители чаще всего употребляют такие термины, как «хулиганы» и «ворь», хотя, конечно, были и исключения. На фоне других национальных формирований они смотрелись более лояльными по отношению к мирному населению. Все познавалось в сравнении. После того как испанцы ушли, на берегах Ильменя и Волхова появились подразделения из Прибалтики. На смену «хулиганам» пришли «садисты»: «В июне 1943 года в дер. Горошково эстонец-солдат выстрелом в голову из винтовки убил в присутствии народа на гулянье Сидорова Константина Андреевича, когда тот вступился на защиту деревенских парней, от которых солдаты отбирали гармошку.

Как офицеры, так и солдаты вели себя как садисты, наслаждающиеся мучениями других. Они насильовали русских девушек и женщин» [24].

Собрав материал о поведении испанцев на оккупированной территории Новгородчины, ЧГК лишь двоих военнослужащих Голубой дивизии определила как военных преступников:

1. Муньос Грандес – командир 250-й испанской Голубой дивизии, принимавший непосредственное участие в злодеяниях по отношению к гражданам Новгородского района.

2. Баско Антонио – старший лейтенант, офицер Голубой дивизии, организатор неоднократных расстрелов мирных граждан и военнопленных и сам исполнитель расстрелов [25].

На фоне других оккупантов в количественном отношении это выглядело достаточно скромно.

1. Государственный архив Новгородской области, Ф. 173. Оп. 1. Д. 23, Л. 13.
2. Там же, Л. 230.
3. Там же, Л. 239.
4. Там же, Л. 241.
5. Там же, Л. 258.
6. Там же, Л. 197.
7. Там же, Л. 215 об.
8. Там же, Л. 205.
9. Там же, Л. 212.
10. Там же, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 25, Л. 105.
11. Там же, Ф. 173, Оп. 1, Д. 23, Л. 230 об.
12. Там же, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 25, С. 212.
13. Там же, Ф. 173, Оп. 1, Д. 23, Л. 277.
14. Там же, Л. 290 об.
15. Там же, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 25, Л. 285.
16. Там же, Л. 186.
17. Там же, Ф. 173, Оп. 1, Д. 23, Л. 263.
18. Там же, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 25, Л. 191.
19. Там же, Л. 166.
20. Там же, Л. 304.
21. Там же, Л. 163.
22. Там же, Л. 163 об.
23. Там же, Л. 183 об. – 184.
24. Там же, Л. 164.
25. Там же, Ф. Р-1793, Оп. 1, Д. 25, Л. 286.

Bibliography (Transliterated)

1. Gosudarstvennyj arhiv Novgorodskoj oblasti, F. 173. Op. 1. D. 23, L. 13.
2. Tam zhe, L. 230.
3. Tam zhe, L. 239.
4. Tam zhe, L. 241.
5. Tam zhe, L. 258.
6. Tam zhe, L. 197.
7. Tam zhe, L. 215 ob.
8. Tam zhe, L. 205.
9. Tam zhe, L. 212.
10. Tam zhe, F. R-1793, Op. 1, D. 25, L. 105.
11. Tam zhe, F. 173, Op. 1, D. 23, L. 230 ob.
12. Tam zhe, F. R-1793, Op. 1, D. 25, S. 212.
13. Tam zhe, F. 173, Op. 1, D. 23, L. 277.
14. Tam zhe, L. 290 ob.
15. Tam zhe, F. R-1793, Op. 1, D. 25, L. 285.
16. Tam zhe, L. 186.
17. Tam zhe, F. 173, Op. 1, D. 23, L. 263.
18. Tam zhe, F. R-1793, Op. 1, D. 25, L. 191.
19. Tam zhe, L. 166.
20. Tam zhe, L. 304.
21. Tam zhe, L. 163.
22. Tam zhe, L. 163 ob.
23. Tam zhe, L. 183 ob. – 184.
24. Tam zhe, L. 164.
25. Tam zhe, F. R-1793, Op. 1, D. 25, L. 286.